

Антон поднялся с пола, встал на колени, пробрался к окну. Над лесом лениво поднималась большая почему-то ярко-рыжая круглая луна. Лицо её было немного наклонено вправо, хорошо были видны крупные глаза, нос и язвительная улыбка. Луна будто насмеялась над беспомощным состоянием художника.

От полутора метров проделанного на коленях пути на лбу проступила испарина, подташнивало. Все запои заканчивались у Антона одинаково, потому в этом жалком состоянии не было ничего нового. Надо было просто хотя бы немного выпить, чтобы снова завалиться спать.

Опираясь на подоконник, он встал, нетвёрдыми шагами прошёл к столу. На нём, кроме пустого стакана, ничего не было, зато у стены стояло и валялось несколько пустых бутылок.

Держась за стену, чтобы не упасть, вышел в сени, через распахнутые настежь двери мелкими шагами, едва перешагнув высокий порог, с крыльца спустился на лужайку, открыл машину. В багажнике начал рыться в сумке, нащупал прихваченную ещё дома поллитровку, тут же открутил пробку, прямо из горлышка сделал несколько крупных глотков.

Несколько минут постоял, закрыв глаза, будто прислушиваясь к своему организму. Вытер со лба пот, мутным взглядом посмотрел на луну. Она уже успела подняться над кромкой леса, из рыжей превратилась в обычную бледно-жёлтую, но продолжала так же ехидно улыбаться.

Судя по тому, что в сумке эта бутылка была последней, приехал Антон в родительский дом несколько дней назад. Перед поездкой он снова, в который уже раз за последнее время, крупно повздорил с женой. Началось, как обычно, с какого-то пустяка, какого именно, он и не вспомнит. Потом он заявил, что хочет на месяц съездить на родину, где не был уже два года, навести порядок на кладбище, проведать друга детства Пашку, поработать в тишине и покое, где никто не будет отрывать телефонными звонками и визитами в мастерскую, которые непременно заканчивались очередной пьянкой, иногда растягиваясь на несколько дней.

Алиса эти его поездки в деревню почему-то каждый раз встречала в штыки. Она, воспитанная в городской интеллигентной среде, защитив докторскую диссертацию по искусствоведению, прилагала немало усилий, чтобы вытравить из него деревенское происхождение. Он, как мог, этому сопротивлялся и каждый год месяц, а то и два проводил в пустующем родительском доме, где находил покой и умиротворение и писал несколько новых работ.

– Что тебя туда тянет, в эту глушь? – недоумевала Алиса. – Хочешь уединения? Запрись в своей мастерской, отключи телефон, не отзывайся на домофон и работай себе хоть круглые сутки.

Что тянуло в деревню, Антон объяснить не мог. Что-то бормотал про энергетику родных мест, про зов природы, но было это всё очень неубедительно и потому раздражало Алису. Сама она была там только раз вскоре после свадьбы, а потом находила веские причины, чтобы отказаться от поездки. Не поехала и на похороны свекрови, с которой отношения так и не сложились.

В этот раз ссора из упрёков, что он вместо того чтобы вместе поехать на море, опять пойдёт в свой медвежий угол, перешла в обвинение, что он как был деревенщиной, так ею и остался, и потому ему комфортнее быть с тупыми необразованными односельчанами, чем с интеллигентными отдыхающими санатория управделами администрации президента, куда Алиса сумела забронировать два места на самую середину лета.

– Меня тошнит от этих самодовольных чинуш, которые там соберутся, – заявил Антон.

– Ну и общайся со своими безграмотными трактористами и доярками, – вспыхнула Алиса, – коли тебе тошно быть с представителями правящей элиты. Там, между прочим, можно завести полезные знакомства и получить приличные заказы на портреты.

– Этих чинуш ты называешь элитой? – загорячился Антон. – Ты ещё прилети к ним разных бузовых и толстопузовых. А от портретов в царских одеждах и в дворцовых интерьерах меня давно тошнит. Эти, кого ты называешь элитой, просто самодовольные амбициозные лицемеры. На их фоне те, кто заказывает Никасу свои портреты, на которых они с телами львов, ланей или стеллеровой коровы, просто непревзойдённые эстеты, но меня одинаково воротит от тех и других.

– По крайней мере они ходят в театры, читают книги, не пропускают выставок модных художников. Они живут насыщенной духовной жизнью. И я вообще не понимаю, чем живут эти твои колхозники!

– Трудом, милая, они живут. Непосильным трудом. И нас, между прочим, снабжают продуктами, которые мы в магазине покупаем, хотя колхозов уже давным-давно нет.

– Я не о том, за что они зарплату получают. Я о том, чем они духовно живут.

– Да духовно они в сто раз богаче твоих представителей так называемой элиты. Прежде всего они честны перед собой и друг перед другом. Не хитрят, не изворачиваются, не врут на каждом шагу, а если что обещают, обязательно исполняют. И это куда важнее, чем духовная жизнь твоих подруг, которые строят из себя невесть что, а на деле обычные пустышки, – перешёл грань дозволенного Антон, потому что хаять подруг было категорически нельзя.

– Значит, я тоже пустышка.

– Ты это сама сказала...

– А ты не забыл, кто тебя сделал известным и модным? Кто тебе организовывал персоналки и заказы у влиятельных людей, кто через друзей и подруг всячески тебя пиарил? Животное ты неблагодарное!

И следом за этой фразой в Антона полетела тарелка из какого-то дорогого сервиза, он ловко поймал её, поставил на стол, Алиса же опустилась в кресло и зарыдала.

Антон молча затолкал в сумку несколько пар носков, футболок и трусов, протёртые до дыр джинсы, взял ключи от машины и вышел из квартиры.

Пятьсот с лишним километров он проехал с двумя остановками на заправках – добавить бензина и взять кофе. В одном из магазинов на пути в деревню купил десять бутылок явно палёной водки, кусок какой-то твёрдой колбасы. Хотел заночевать в стоящем на обочине мотеле, но понимал, что если остановится, застрянет до конца запоя, потому собрал всю силу воли и тянул до дома.

Приехал далеко за полночь, ещё не открывая ворота, открыл бутылку, прямо из горлышка выпил половину, потом заехал на заросшую по

пояс лужайку у крыльца, допил остатки, занёс «боезапас» в дом, сел к столу и задумался. Хмель быстро ударил в голову, и больше он ничего не помнил.

* * *

Проснулся уже около обеда, допил остатки. Захотелось снова свалиться спать, но твёрдо решил сначала сходить на погост, потом завернуть в магазин к Татьяне, затовариться, чтобы вечером посидеть с другом детства Пашкой. Из запоя надо было выходить медленно.

Могилы отца и матери кем-то были прибраны, трава выполота, оградка покрашена. Антон немного постоял, держась за металлические прутья, и пошёл обратно в деревню.

В магазине равнодушно скользнул взглядом по худенькой девушке в чёрном платке, подошёл к прилавку напротив спиртного, уставился в скудное разнообразие бутылок и этикеток сельского магазина.

– Может, не надо больше, дядя Тоша?

Повернул голову в сторону девушки.

– Вы меня не помните? Я Лариса, дочь Павла Теканова.

– Извини, не узнал! А как Пашка? Я же к нему, чертяке, собрался.

– А нету больше папы. Вы ничего не знаете? Ну конечно, у меня же не было вашего номера телефона, а папин разбился вдребезги. В сентябре год будет, как они погибли. И папа, и мама, и мой муж, вы его не знали – он не местный, и наш маленький Василёк. В машине из города возвращались и залетели под фуру. Ни от кого живого места не осталось.

И девушка заплакала.

– Извини! Я действительно не знал.

Антон хотел сказать про соболезнования, но засомневался, насколько уместны будут эти слова почти через год после смерти.

– Похоронены здесь?

– Да, с противоположного края от ваших родителей.

– Дай тогда хоть чего-нибудь, схожу помяну друга.

– Дядя Тоша, не пейте больше... Хотя бы в память о папе. У него тоже запой бывали, я знаю, как тяжело выходить... Он ведь и в тот раз не трезвый был, ну когда под фуру залетел... А на кладбище я с вами вместе завтра схожу. И к вашим заодно зайдём. Я там порядок навела, как чувствовала, что вы приедете.

– Так это ты? А я думал, кто это постарался. Пашка что ли?

– Я на Троицу у своих прибиралась, заодно и у ваших...

– Тогда я домой... Не укладывается в голове – как это так, Пашки нет... Дай хоть маленькую... Я чуть-чуть... только помянуть.

– Дядя Тоша, вы сейчас себя обманываете – не получится чуть-чуть. Я по папе знаю. Вы идите домой, я вам поесть принесу и чаю. Вы когда последний раз ели?

– Не знаю... Наверное, в городе.

– Вот, а у меня борщ сварен. И чай из трав сделаю, каким папу отпаивали. Я быстро. Магазин закрою, всё равно вряд ли кто уже придёт, и к вам.

– Да перестань ты выкать, мы с твоим отцом с детства не разлей вода, а ты выкать.

– Вы такой известный! Папа всё время гордился, что вы – друзья. Всегда вас вспоминал, особенно когда выпьет. И всё говорил, что вы обещали его портрет нарисовать.

И девушка застенчиво улыбнулась.

– Виноват, не сдержал слово. Кто ж знал, что так случится? Да-а! Ничего нельзя откладывать на потом...

С трудом передвигая ноги, Антон дошёл до дома, хотел убрать с пола пустые бутылки, но сил уже не было. Рухнул на диван и уставился в потолок.

– Эх, Пашка, Пашка! Как же так?!

Звонить другу детства он не мог, потому что в деревне не было мобильной связи, а писать письма и отправлять их почтой в конверте он считал пережитком прошлого. Антону было достаточно знать, что на его родине есть друг, с которым он связан, как пуповиной, что этот друг понимает его даже без слов, и потому, особенно во время пьянок, он мысленно разговаривал с Пашкой, выкладывая в этих диалогах самое сокровенное, что не рассказал бы никому в жизни. Впрочем, он не говорил этого и Пашке в их задушевных беседах во время его почти ежегодных наездов в деревню. И вот теперь Пашки больше нет...

Лариса действительно пришла очень скоро и стала распаковывать сумку, в которой была завернутая в байковое детское одеяльце кастрюля с борщом и термос с чаем из трав.

– Вот кушайте на здоровье! Я разогрела, сметанки положила. Не знаю, вы со сметаной любите или с майонезом. Подумала, что раз деревенский, значит, лучше со сметаной.

– Спасибо, но я совершенно не хочу есть.

– Надо, дядя Тоша. После борща вам сразу полегчает. Хорошо бы капустного рассола, но где его сейчас взять?

Есть борщ не получилось – руки у Антона дрожали так сильно, что содержимое ложки тут же выплёскивалось обратно в тарелку.

– Давайте я вас покормлю, – Лариса села рядом, отняла у Антона ложку и начала его кормить, как ребёнка.

– Если бы ты знала, как мне стыдно!

– Ничего страшного, с папой точно так было, но завтра всё будет нормально.

Антон послушно открывал рот, жевал и поминутно вытирал обильно потеющий лоб.

– А теперь – чай. Травы ещё мама собирала. Вы же знаете, что бабушка у нас травницей была, вот она маму и научила. Пейте-пейте, настой уже не горячий. Он хорошо успокаивает, будете спать, как младенец.

Сказав младенец, девушка, до сих пор не смирившаяся с потерей сына, смахнула накатившую слезу.

– Спать я теперь ещё двое суток не буду.

– Будете-будете... Уж я-то знаю. Сейчас я вам постель приготовлю.

Она раздвинула занавески, прошла в другую комнату и вскоре вернулась:

– Там же затхлое всё от сырости. Это же всё на солнце просушить надо. А вы где спали?

– Не знаю... – честно ответил Антон. – Проснулся на полу.

– Так! Идём к нам. Я вам постелю на родительской кровати. Знаете, я ведь туда захожу только уборку сделать. Я первое время вообще домой боялась заходить, в магазине и жила, пока бабушка Мокеевна мне какой-то разговорённой воды не дала.

Антон долго упрямылся и не хотел идти в Пашкин дом, но Лариса всё же оказалась девушкой настырной. Поскольку Антон шёл, заметно покачиваясь, Лариса взяла его под руку. Так они и прошли почти по всей улице, вызвав пересуды односельчан.

– Наконец-то Лариска себе мужика завела, – говорили одни, жалея убитую горем красивую девушку.

– И года в трауре не проходила, – осуждали другие, не узнавая приехавшего домой Антона, хотя слух, что в ограде у Семёновны стоит чья-то машина, а самих гостей не видать, моментально без всяких соцсетей разнёсся по всей деревне.

* * *

– А помните, вы меня в детстве называли Лариска-Ириска?

– Конечно, помню.

– Мне это так нравилось! Я потом спрашивала у мамы, почему больше никто меня так не называет, а она смеялась и говорила, что это авторское дяди Тоши.

Лариса быстро застелила постель.

– Ложитесь.

Антон лёг на кровать, и потолок сразу поплыл было в сторону, но тут же остановился.

– Лариска-Ириска, посиди со мной. Расскажи о себе.

– А что о себе? Ничего интересного! После школы поступила в университет, на первом курсе выскочила замуж, родился Василёк, жить было негде, приехала с мужем домой. Он устроился к папе на лесопилку. Вот и вся моя биография. Вы лучше о себе расскажите.

– У меня, Лариска-Ириска, всё настолько скучно, что рассказывать неинтересно.

– Как же неинтересно? Вы же всё время с художниками общаетесь, артистами, поэтами, в театры ходите... Там же богема!

– Богема, говоришь? Да уж, богема! Искренности там нет, и это главное. В глаза тебе дифирамбы поют, работы твои нахваливают, а за спиной любую гадость смакуют. Зависть там, непонятная злоба и самолюбование.

– Дядя Тоша, вы не бредите? У вас не температура?

Девушка положила ладонь на потный лоб Антона.

– Не убирай, пожалуйста...

И через несколько минут Антон заснул.

Девушка долго сидела, боясь снять руку, чтобы не разбудить гостя, а потом незаметно и её сморил сон. Она, сидя на стуле возле кровати, положила голову на подушку и отключилась.

Проснулся Антон уже засветло. Рядом увидел на подушке голову спящей Ларисы. Один локон вьющихся густых волос девушки выбился из-под платка и щекотал ему щёку, а её ладонь так и продолжала лежать у него на лбу. И было это так трогательно! Последний раз на его голове много-много лет назад вот так же лежала рука матери, когда он метался в бреду от высокой температуры, которую почему-то не могли сбить никакие таблетки. От воспоминаний на душе разлилась благодать, и Антон невольно заулыбался.

Он долго лежал, не шевелясь, боясь разбудить сидящую у изголовья Ларису, но вот она проснулась сама, испуганно дёрнулась, убрала ладонь со лба Антона, заправила под платок волосы.

– Извините!

– Спасибо тебе! Ты настолько милая...

Антон чуть не сознался, что ему захотелось поцеловать девушку, но вовремя прикусил язык.

- Как вы себя чувствуете?
- Как в раю. Сплошное блаженство!
- Я сейчас ещё чаю травяного заварю, и будет ещё лучше.
- Не надо, мне и так хорошо.
- Не спорьте, я лучше знаю.

В этой категоричности тоже было что-то милое и наивное. Что могла знать эта двадцатилетняя девушка о похмельном состоянии человека вдвое старше её и пережившего десятки подобных и более затяжных запоев? Антон улыбнулся и внимательно, трезвым взглядом посмотрел на девушку. Она была сама прелесть. Природная красота без макияжа, теней, туши, помады и других женских хитростей делали её настолько очаровательной и желанной, что стоило немалых усилий отогнать прочь плотские мысли.

У него бывали интрижки, мимолётные романы и с девушками помоложе. Восторженные студентки из колледжа искусств или института культуры легко запрыгивали в постели художников в надежде на покровительство или просто ради развлечения в богемном кругу с умными разговорами и выпивками.

Были кратковременные романы на два-три раза с дамами так называемого высшего света, которые заказывали ему свои портреты. Эти маялись от скуки, и флирт с популярным художником просто помогал скрасить время.

Лариса навела порядок в его доме, просушила на солнце постель, застелила его чистым бельём, и теперь Антон ночевал там, но практически целыми днями делал что-то по хозяйству в Пашкином доме. Ему по душе была эта роль заботливого мужчины, тем более что топор, пилу и молоток он умел держать в руках с юности, когда скоропостижно скончался отец, и все мужские дела легли на его плечи.

И хотя у Ларисы был немалый запас дров, договорился с мужиками на лесопилке, и они привезли ему машину берёзовых хлыстов. Бензопила у Пашки в сарае была, и Антон распилил, а потом расколол и сложил в поленницу дров ещё не меньше, чем на две зимы. Он уже не знал, что бы ещё сделать, но нужно было ехать в город, где оставались некоторые обязательства перед заказчиками.

Лариса Антону, конечно же, нравилась, но она была дочерью его погибшего друга, и эту черту он переступить не мог. Она тоже видела в нём не только друга погибшего отца, лишённая мужской ласки, ждала от него каких-то действий, но сама старалась не провоцировать сделать этот шаг на сближение.

Уезжать не хотелось, но за ужином он сказал:

- Ну что, Лариска-Ириска, пора мне и честь знать.

Он полагал, что расставание будет трудным, но не ожидал, что девушка сразу расплачется. Антон обнял Ларису, стал вытирать катившиеся по щекам слёзы, гладить волосы...

Эту ночь они провели вместе, а утром Антон сходил за машиной, подъехал прощаться.

– А вы ещё приедете? – спросила Лариса севшим голосом. Этот вопрос дался ей с большим трудом, горло сдавило настолько сильно, что стало трудно дышать. Антон посмотрел на девушку, в её глазах была дикая боль и неизбывная тоска от предстоящей с минуты на минуту разлуки. Такой он её и запомнил.

- Конечно, приеду!
- Опять через несколько лет?

– Намного раньше, ведь теперь здесь у меня есть ты.

Антон сказал это искренне, и чтобы девушка не увидела, как у него на глазах появились слезы, отвернулся, якобы проверить, закрыт ли багажник.

– Дядя Тоша, вы для меня теперь самый родной человек, ведь у меня на всём белом свете нет больше никого. Вы самый родной и самый любимый!

И девушка кинулась ему на шею, крепко обняла обеими руками и зарыдала. Потом по-старушечьи вытерла глаза кончиками платка:

– Извините! Вам пора – дорога дальняя.

Антон сел в машину, вырулил на дорогу и до самого поворота видел в зеркале заднего вида стоящую у калитки Ларису.

* * *

Алиса пришла в мастерскую через несколько дней после возвращения Антона из деревни. Он как раз закончил портрет Ларисы, написанный по памяти.

– Говорят, ты уже почти неделю в городе, а дома не появляешься, – начала она вместо приветствия. – И странное дело – абсолютно трезвый! Смотрю, даже успел поработать. Ну-ка, ну-ка! Потрясающе! Мужик такой весёлый, душа нараспашку, а в глазах боль несусветная, будто что-то давно не даёт покоя его мятущейся душе. Я никогда в твоих работах такого не встречала.

– Потому что заказчикам это не надо. Им внешнее сходство подавай в каком-нибудь роскошном интерьере царских покоев.

– А это твоя новая пассия? – перешла Алиса к другому мольберту.

– Это дочь моего друга детства Пашки, портрет которого ты только что хвалила.

– Красивая! И портрет сделан мастерски! Всё же есть у тебя несомненный талант. Только лицо, никакого фона, а такая тоска в глазах героини, что самой плакать хочется.

– У неё вся семья погибла. И Пашка, и мать, и муж с ребёнком.

– На какую выставку готовишь? Не сомневаюсь, успех обеспечен потрясающий.

– Ни на какую. Отправлю самой девушке.

– Ну-ну, – равнодушно произнесла Алиса, продолжая разглядывать работу.

– А лучше отвезу сам. В сентябре как раз годовщина смерти Пашки. Надо съездить. Поживу там недельку-другую

– Ну-ну, – снова так же равнодушно сказа Алиса. – Насовсем не останься...

От двери она ещё раз внимательно посмотрела на портрет, потом перевела взгляд на Антона:

– На ужин ждать?

– Не знаю. Впрочем, не надо.

Алиса ещё раз посмотрела на портрет девушки, потом на мужа и понимающе произнесла:

– Ну-ну...